

К 90-летию Магнитогорска

Продолжение.
Начало в № 66

Кристан Нейланд входил в число наиболее активных рабочих корреспондентов. Первая его публикация в местной прессе появилась в конце 1932 года. Как непосредственный участник строительства мартеновского цеха Нейланд обобщил опыт проектирования, монтажа и подготовки к эксплуатации первых сталеплавильных агрегатов.

С пуском мартеновских печей Нейланд был назначен заместителем начальника мартеновского цеха. Он брал под опеку каждую сталеварскую бригаду и отработывал с ней на новых печах каждую технологическую операцию. Опытные мастера сталеварения, приглашённые со старых уральских и южных заводов, не могли изменить положение дел, поскольку привыкли к агрегатам небольшой ёмкости и впервые столкнулись со 150 и 185-тонными гигантами. А большинство подручных сталеваров ещё вчера строили эти самые мартены в качестве каменщиков, бетонщиков, чернорабочих. Они с опаской подходили к изрыгающим огонь завалочным окнам печей. Изучение же индивидуального характера каждой мартеновской печи казалось вершиной мастерства.

Нейланду предстояло учить будущих магнитогорских мастеров сталеварения. Он занимался этим не только на рабочей площадке в цехе, но и использовал для распространения передовых методов труда заводскую многотиражку «Магнитогорский металл»: часто выступал с подробным анализом опыта передовых сталеварских бригад. Его склонность к научной деятельности, умение анализировать сложные физические и химические процессы при рождении металла, способность просто и доходчиво изложить это в общении с людьми стали основанием для приглашения на преподавательскую работу в недавно созданный горно-металлургический институт. И Нейланд принял его, хотя совмещать преподавание в вузе с основной работой оказалось невероятно трудно.

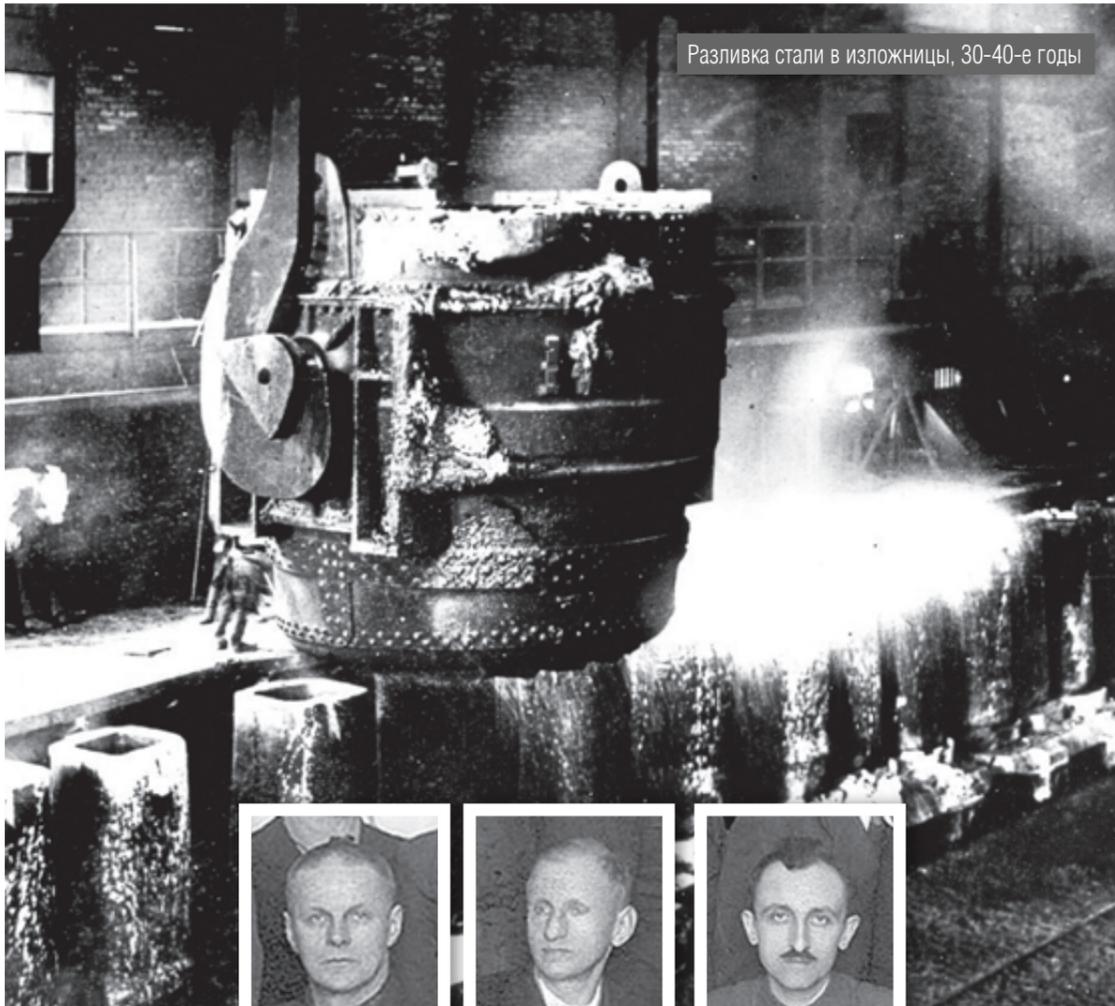
Обвинения – необоснованны

В личном архиве К. К. Нейланда хранится подборка машинописных документов, датированных 1938 годом. На трёх листах – обращение Кристана Кришьяновича, озаглавленное: «Председателю комиссии, товарищу Дементьеву В. А.» В этой объяснительной записке Нейланд чётко, по пунктам объясняет, почему завершилась крупной неудачей реконструкция девятой мартеновской печи. В результате коренного обновления её объём был увеличен практически вдвое, до 300 тонн. Но перед остановкой на реконструкцию помощник главного инженера комбината по сталеплавильному производству Зайцев вызвал к себе инженеров исследовательской группы Я. И. Лебедева и К. К. Нейланда. К этому времени он был назначен начальником центральной заводской лаборатории, которую ещё предстояло создать, объединив разрозненные цеховые и производственные лаборатории. Зайцев распорядился провести ряд исследовательских работ на мартеновской печи № 5, поскольку она первой в цехе была реконструирована с переводом на больший объём подины. В предложениях исследователей было предусмотрено буквально всё – и наиболее рациональное устройство подины печи, и системы отопления агрегата, и пути газоотведения.

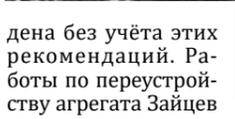
Однако реконструкция девятой мартеновской печи была прове-

Инженер – это творец

Его имя навсегда вошло в историю сталеплавильного производства ММК и в историю создания танковой брони в годы Великой Отечественной войны

Разливка стали в изложницы, 30-40-е годы

Кристан Нейланд

Семен Сахин

Евгений Левин

дена без учёта этих рекомендаций. Работы по переустройству агрегата Зайцев полностью взял под свой контроль и выполнил его по своему разумению. Даже начальник цеха и его заместитель оказались в роли сторонних наблюдателей. В результате печь не обновлена, а «изуродована», как отметил в своей объяснительной записке К. Нейланд. Он показал, что было сделано неправильно и как это сказалось на работе печи. Пошли тяжёлые аварии с потерями металла и естественными срывами производственных заданий.

А всю вину за провальные итоги реконструкции Зайцев свалил на Нейланда. «Получилось так, – с возмущением пишет Кристан Кришьянович, – что Нейланд – вредитель, а Зайцев – бдительный, технически грамотный инженер. Между тем отдельные инженерные решения, предложенные для девятой печи, внедрены и успешно работают на других агрегатах, обеспечивают высокий экономический эффект. А девятой мартен всецело после сто первой плавки полностью выведен из строя и вновь требует полного обновления».

К. Нейланд поставил перед комиссией сложные, но вполне обоснованные вопросы высококлассного специалиста-металлурга. Ответы на них должны были стать основой для объективных выводов проверяющей комиссии. И комиссия действительно пришла к мнению, что обвинения против Нейланда необоснованны.

А Кристан Кришьянович за короткое время сумел построить научно-исследовательский цех комбината – центральную заводскую лабораторию. Она стала не только контролировать соблюдение технологических требований в цехах при производстве разнообразной

продукции, но и проводить разнообразные исследования по совершенствованию этих требований с целью повышения качества магнитогорской металлопродукции.

Броня Магнитки

С первого дня объявления в стране военного положения ММК стал перестраивать сложное производство на выполнение оборонных заказов...

Уже неделю Кристан Нейланд не выходил из цеха. Глубокой ночью на три-четыре часа валился на раскладушку в красном уголке, превращённом в ночлежку для специалистов сталеплавильного дела. Ещё до начала утренней смены вскакивал и шёл в цех готовить очередную пробную плавку броневой стали. На шихтовом дворе чуть ли не своими руками загружал в мольды составы самый высококачественный металлолом, скрупулезно записывая в блокнот физическое состояние и химический состав металлошихты. Вместе со сталеварскими бригадами вёл завалку лома в мартены. Следил за заливкой чугуна. Особенно тщательно контролировал режим плавления в печи. Под контролем майора-военпреда звешивал на опломбированных весах все легирующие добавки, меняя последовательность их внесения в плавку: то хром за молибденом, то наоборот, молибден за хромом. Скоро понял, что никель и молибден можно задавать в плавку и в самом начале её доводки: они, благодаря более низкой температуре своего плавления, легко и свободно растворяются в жидком металле. А

на мартене и обер-мастером, и мастером производства, а также контролировал ход всех технологических процессов. Подхватывал со сталеваром и его подручными тяжёлый пятиметровой длины стальной шомпол и, затолкав его через отверстие в крышке центрального завалочного окна, аккуратно помешивал драгоценное варево в огненной ванне печи. По степени оплавления шомпола через двадцать пять секунд намётанным глазом достаточно точно определял температуру плавки. Кристан чётко представлял её на шкале воображаемого градусника: температура плавки должна быть доведена до 1570 градусов по Цельсию, не меньше. А ещё лучше – до 1600 градусов. Но пока греешь металл, можно выжечь из него весь углерод, что совершенно нежелательно для получения брони. Только на высших температурных отметках может происходить соединение железа с тугоплавкими молибденом и хромом, но введение в плавку хрома каждый раз приводит к бурному образованию шлака, который начинает рваться из печи через ложные пороги завалочных окон.

Члены броневое бюро Нейланд, Левин, Вергазов и директор комбината Носов давно получили эти формулы химических процессов теоретическим путём. А вот как воплотить их на практике, да ещё в большегрузных мартенах с «кислым» подом – не знали. Неужели и в самом деле хорошая броня может выплавляться только в небольших мартеновских печах и только дуплекс-процессом?

Первая пробная плавка не получилась совсем. Вторая по своему

химическому составу оказалась ближе к заданному анализу, зато третья почему-то тоже «ушла в молоко». Была забракована и четвёртая плавка. Пятая и особенно шестая уже почти повергли всех специалистов в отчаяние.

Николай Вергазов, единственный из представителей секретного НИИ-48 имевший практический опыт выплавки броневой стали старым дуплекс-процессом, стал поговаривать, что пора прекратить эти дорогостоящие эксперименты и вернуться к проверенной технологии, чтобы не загреметь на Колыму. Алексей Безденежных, направленный на помощь Нейланду из заводской лаборатории, угрюмо отмалчивался, глядя в сторону. Сталевар Михаил Артамонов, не привыкший к неудачам, матерился и смачно плевался.

Седьмая пробная плавка выпала на долю бригады сталевара Тихона Абраменко. В ходе подготовки учли все промахи, допущенные на предыдущих шести плавках. Нейланд почти не заглядывал в свою тетрадь: все операции от заправки подины печи и завалки лома – до выпуска металла и подачи в сталеразливочный ковш последних легирующих присадок – накрепко выстроились в памяти в стройную и чёткую схему.

Едва дождавшись конца плавки, все специалисты с пробой только что рождённого металла пошли в лабораторию. Через некоторое время вернулись на рабочую площадку сияющие от широких улыбок. «Получилось!» – не устал повторять Николай Вергазов. Он, со слезами на глазах, обнял растерявшегося Тихона Абраменко. Даже Григорий Носов, приехавший в цех к выпуску плавки, засветился в широкой добрейшей улыбке.

– Расслабляться, однако, нет времени, – произнёс Кристан Нейланд. – Сейчас нам следует написать подробнейшую технологическую инструкцию, сформулировать для сталеварских бригад все последовательные операции, не упуская ни единой мелочи.

– Нет, – твёрдо вмешался Носов. – Прежде всего вам необходимо немного отдохнуть. Впереди ещё много важных дел, поберегите себя для них.

А по-другому и не могло быть на трудовом фронте, работающем по законам военного времени. Продолжая возглавлять в составе броневое бюро мартеновский сектор, Кристан Нейланд принимал непосредственное участие в разработке и внедрении технологий выплавки стали для всех важнейших военных заказов. Начальник группы лабораторий знаменитого ЦНИИ-48, переведённого после окончания войны в Свердловск, начальник броневое бюро на ММК С. И. Сахин в своём официальном отзыве так конкретизировал работу Нейланда в составе той самой секретной организации: «В броневом бюро товарищ Нейланд, как специалист по сталеплавильному производству, занимал должность начальника мартеновского сектора. Накопленный годами опыт и технические знания в этой области создали ему авторитет, который подкреплялся хорошим сочетанием объективного аналитика и оперативного экспериментатора. Инженер К. К. Нейланд является одним из инициаторов освоения выплавки весьма ответственных и высоколегированных марок стали в основных печах большого тоннажа, которые до этого времени выплавлялись только в кислых печах среднего тоннажа».

Глубокий интерес Нейланда к научной деятельности послужил основанием для направления его после окончания войны в Ригу для возрождения Латвийского государственного университета и создания Рижского политехнического института, который он со временем возглавил.

К. К. Нейланд умер в 1960 году, ему был 61 год.

Миндихан Котлухужин